

Литературные портреты Н. Гумилева и А. Блока как часть мифа о русском поэте в мемуарных очерках Г. Иванова

Королева В. В.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых г. Владимир, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>, e-mail: queenvera@yandex.ru

<https://doi.org/10.31483/r-105938>
 УДК 821.161.1.09-05(Гумилев)-94 +
 821.161.1.09-05(Блок)-94

Резюме. В статье рассматривается проблема мифологизированного восприятия поэтов Серебряного века Н. Гумилева и А. Блока в произведениях Г. Иванова «Китайские тени» и «Петербургские зимы». Целью данного исследования является определение на основе сравнительного анализа литературных портретов Н. Гумилева и А. Блока, которые создаются с помощью приема контраста, специфики мифа о русском поэте в мемуарной прозе. Противопоставление двух поэтов у Г. Иванова происходит на основании ряда критериев: внешности, характера, отношения к творчеству, их политической позиции и т. д. В статье делается вывод о том, что Н. Гумилев и А. Блок, выступая как антиподы в глазах современников, тем не менее обладают сходными качествами, присущими русскому поэту: любовью к Родине, мечтательностью, благородством, рыцарством, романтическостью натуры, внутренним дуализмом, ненавистью к фальши, лжи и готовностью к самопожертвованию ради творчества. Г. Иванов, создавая литературный портрет поэтов, сочетает в их образах реальные черты с художественным восприятием их личности, тем самым делая их биографию частью мифа о русском поэте – пророке, для которого жизнь, Россия и творчество – единое целое.

Ключевые слова: Иванов, мифотворчество, миф о поэте, прием контраста, Блок, Гумилев.

Для цитирования: Королева В.В. Литературные портреты Н. Гумилева и А. Блока как часть мифа о русском поэте в мемуарных очерках Г. Иванова // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 28-33. – DOI 10.31483/r-105938. – EDN UVWRKU

Review Article

Literary portraits of N. Gumilev and A. Blok as part of the myth about a Russian poet in G. Ivanov's memoirs

Vera V. Koroleva

 Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stolzov
Vladimir, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>, e-mail: queenvera@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of mythologized perception of the names of the poets of the Silver Age N. Gumilev and A. Blok in the works of G. Ivanov «Chinese Shadows» and «Petersburg Winters». The purpose of this study is to determine, based on a comparative analysis of the literary portraits of N. Gumilev and A. Blok, which are created using the contrast technique, the specifics of the myth about the Russian Poet in the memoir prose of G. Ivanov. The two poets are contrasted on the basis of a number of criteria: appearance, character, attitude to creativity, their political position, etc. In conclusion, the article concludes that N. Gumilev and A. Blok, acting as antipodes in the eyes of contemporaries, nevertheless, have similar qualities inherent in the Russian poet: love for the Motherland, dreaminess, nobility, chivalry, romantic nature, inner dualism, hatred of falsehood, lies and willingness to sacrifice for the sake of creativity. G. Ivanov, creating a literary portrait of poets, combines real features in their images with an artistic perception of their personality, thereby making their biography part of the myth of the Russian poet – prophet, for whom life, Russia and creativity are one.

Keywords: Ivanov, myth-making, the myth of the poet, contrast technique, Blok, Gumilev.

For citation: Koroleva V.V. (2023). Literary portraits of N. Gumilev and A. Blok as part of the myth about a Russian poet in G. Ivanov's memoirs. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(1). 28-33. EDN: UVWRKU. <https://doi.org/10.31483/r-105938>.

Введение

Статья посвящена проблеме мифологизированного восприятия поэтов Серебряного века Н. Гумилева и А. Блока в произведениях Г. Иванова «Китайские тени» (1989) и «Петербургские зимы» (1989). Целью данного исследования является определение на основе сравнительного анализа литературных портретов Н. Гумилева и А. Блока, которые создаются с помощью приема контраста, специфики мифа о русском Поэте в мемуарной прозе Г. Иванова. Противопоставление двух поэтов происходит на основании ряда критериев: портрета, характера, мировосприятия, отношения к творчеству, принадлежности к литературной группировке, их политических предпочтений и т. д. Мемуары предстают не просто как воспоминания об известных поэтах, а

как яркий текст, в котором отражается процесс развития мифологемы «русский поэт» в литературе первой половины XX в.

Материал и методы исследования

В 1922 г. Г. Иванов эмигрирует из России и практически сразу погружается в работу над мемуарными очерками, первые из которых были опубликованы в 1924 г. в газете «Звено» под названием «Китайские тени». Затем появляются другие мемуары, например, «Петербургские зимы», «Невский проспект». Общая книга «Петербургские зимы», в которой Г. Иванов объединил свои воспоминания выходит в 1928 г.

В мемуарной прозе Г. Иванов создает литературные портреты некоторых писателей и поэтов Серебряного века, с которыми он был хорошо знаком: А. Блока,

Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Ф. Сологуба и др. Жанр литературного портрета дает Г. Иванову большие возможности для раскрытия личности человека, помогает создать представление о его индивидуально-неповторимом, живом облике, о его характере, а также позволяет показать личность поэта сквозь призму собственного восприятия, которое осознается через годы, собственное «ощущение» поэта, не акцентируя внимания на точность деталей.

Долгое время очерки Г. Иванова оставались в забвении. Это было связано с тем, что некоторые современники русского поэта отрицательно отзывались о его мемуарах. Например, у А. Ахматовой и Н. Мандельштам «Петербургские зимы» вызывали раздражение, другие обвиняли писателя во лжи и искажении фактов.

В последние годы можно наблюдать появление интереса к мемуарной прозе Г. Иванова. Так, о его философско-эстетических взглядах и их воплощении в текстах писали В. Заманская [Заманская, 1996], С. Семенова [Семенова, 2004]. Е. Гальцова рассматривает сюрреалистические аспекты творчества Г. Иванова [Гальцова, 1999], А. Е. Рылова – символистские [Рылова, 2006]. Ряд исследований посвящен проблеме соотношения документального и художественного в мемуарах автора [Аксенова, 1994; Арьев, 1994; Елагина, 2012; Грекалова, 2009; Тименчик, 1987]. На культурный контекст творчества Г. Иванова указывали М. Рубинс [Рубинс, 2017], Ю. В. Несынова [Несынова, 2007], Т. В. Данилович [Данилович, 2000] и др. Н. Н. Кознова и А. А. Роговский обращают внимание на модификацию жанра мемуаров в «Петербургских зимах» Г. Иванова [Кознова, 2015; Роговский, 2017]. Исследователи В. С. Федоров и А. А. Жукова обратили внимание на контраст, который наметился в творчестве Г. Иванова в восприятии Блока и Гумилева [Федоров, 2018; Жукова, 2018].

В настоящее время в литературоведении наметился новый аспект исследования творчества Г. Иванова – мифопоэтический [Федякин, 2021; Филатов, 2020], однако недостаточная изученность его мемуаров в этом аспекте дает возможность выявить новые мифологемы в прозе русского писателя. Актуальность данной статьи обусловлена возможностью на основе мемуаров русского писателя выявить специфику мифа о русском поэте в прозе Г. Иванова¹, что позволит внести вклад в определение мифологемы «русский поэт» в отечественной литературе первой половины XX в.

В ходе работы применялись следующие методы исследования: анализ литературных источников, сравнительно-сопоставительный и мифопоэтический анализы.

Результаты исследования и их обсуждение

В 1920 гг. Г. Иванов, осознавая, что уходит целая эпоха, и имена великих ему современников становятся историей, которую нужно сохранить, обращается к

жанру мемуарных очерков, используя прием мифологизации исторических имен. Как известно, неомифологизм становится фундаментальным принципом творческого восприятия действительности у символистов. По словам И. С. Приходько, «Миф как бы прорастает в судьбу поэта и находит выражение в творчестве» [Приходько, 1994, с. 10]. Одной из форм мифологизации у символистов является мифологизированное восприятие имен великих предшественников. «Создавая свое слово о личности (миф о личности), автор выступает скорее как художник, чем как критик. В восприятии символистов имена великих… образуют особую мифологическую систему, единое культурное поле» [Приходько, 1999, с. 18–19]. По мнению Д. Максимова, в культурном поле есть свои как бы обособленные пары, в которых каждое имя связано с другими напряженными антитетическими отношениями» [Максимов, 1981, с. 347]. Например, для Д. Мережковского, А. Белого и А. Блока имеет большое значение оппозиция Достоевского и Толстого, из зарубежных авторов – Шекспира и Сервантеса, Гете и Шиллера и др. По словам А. В. Филатова, «совершенные символизмом открытия в области мифопоэтики во многом наследуются постсимволистскими течениями, включая акмеизм» [Филатов, 2020, с. 5]. Ориентация на миф нашла у акмеистов отражение в явлении жизнетворчества, когда мифологические сюжеты становились основой автобиографических мифов, в которых факты жизни и факты искусства оказались тесно переплетены и подвергались взаимному влиянию.

Г. Иванов в своей мемуарной прозе создает литературные портреты, ориентируясь на мифтворчество. Осмысливая внешнее различие, разницу характеров, их поведения, мировосприятия, а также индивидуальную манеру стихосложения Г. Иванов создает свою мифологему Блок – Гумилев, в которой предстают два противоположных типа поэтов: мечтательного, тихого, пассивного интеллигентного Блока и эпатажного, активного авантюриста Гумилева.

Прием контраста помогает автору ярче показать самобытность натуры поэтов на фоне друг друга, отразить множественные оттенки смыслов. Яркий контраст личностей Блока и Гумилева, по всей видимости, сложился в сознании многих современников поэтов давно, но именно Г. Иванов по сути начинает литературную традицию сопоставления Блока и Гумилева, которая станет привычной в последующих литературных воспоминаниях. Например, И. Одоевцева в своих мемуарах «На берегах Невы» (1967) отмечает соперничество Н. Гумилева и А. Блока, а также противопоставляет их: «Гумилев говорит торжественно, плавно и безапелляционно… Так вот он какой. А я и не знала, что поэт может быть так непохож на поэта. Блок – его портрет висит в моей комнате – такой, каким и должен быть поэт».

В. Ходасевич в своем очерке «Гумилев и Блок» отмечает абсолютную противоположность Блока и Гумилева: «Пожалуй, трудно себе представить двух людей, более различных между собою, чем были они… Блок был поэтом всегда, в каждую минуту своей жизни. Гумилев – лишь тогда, когда он писал стихи. Все это (и многое другое) завершалось тем, что они терпеть не могли друг

¹ Иванов Г. В. Китайские тени. Литературные портреты. Москва : Книга, 1989. URL : <http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/kitajskieteni.txt> (дата обращения : 20.02.2023). – Текст : электронный.; Иванов Г. В. Собрание сочинений : в 3-х томах. Москва : Согласие, 1993. Том 3. 720 с.; Иванов Г. Петербургские зимы. Литературные портреты. Москва : Книга, 1989. URL : [http://lib.RU/RUSSLIT/IWANOWG/russkie_zimy.txt](http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/russkie_zimy.txt) (дата обращения : 20.02.2023). Текст : электронный.

друга – и этого не скрывали. Однако в памяти моей они часто являются вместе» [Ходасевич, 2017, с. 203].

В Рождественский в очерке «Гумилев и Блок» указывает на напряженность в отношениях русских поэтов: «Они явно недолюбливали друг друга, но ничем не высказывали своей неприязни: более того, каждый их разговор представлялся тонким поединком взаимной вежливости и любезности» [Николай, 1990, с. 223].

Н. Павлович в очерке «Из воспоминаний об Александре Блоке» также свидетельствует о непростых отношениях Блока и Гумилева: «В жизни он [Блок] был с Николаем Степановичем вежливо холоден. Он уважал в нем честного противника, никогда не прибегавшего к лжи и коварству, считал его талантливым и образованым поэтом, но не любил его стихов» [Павлович]. Автор воспоминаний также подчеркивает противоположность их характеров: «Блок – такой деликатный, старающийся никого не давить своим авторитетом». Гумилев – «надменный и втайне застенчивый, считающий поэзию как бы государством в государстве, а себя ее законодателем» [Павлович].

П. Струве в очерке «Блок – Гумилев» обращает внимание на то, что оба поэта были мечтателями, что свойственно поэтической натуре, но мечтательность эта была противоположной. У Гумилева она активная: «он тоже был мечтателем, но другого, чем Блок, – действенного типа. Он был воин по натуре и призванию, живший всем своим существом на войне и на охоте... У Блока пассивная: Блок был мечтатель в общем и глубоком смысле особого человеческого типа... И в то же время мечтатель бездейственный» [Струве].

В очерках «Китайские тени» Г. Иванов создает отдельные литературные портреты Н. Гумилева и А. Блока на основе контраста, который реализуется в ряде оппозиций – принадлежности к литературному течению: Блок – символист, Гумилев – акмеист. В портретном описании поэтов: северный красавец Блок – некрасивый, даже уродливый Гумилев («...шел не сгибаясь, ...напоминая автомат... точно вырезанный из картона нос, ...его холодные косые глаза без бровей, ... внешность Гумилева тогда показалась мне странной до уродства. Он действительно был очень некрасив»). В противопоставлении характеров поэтов: спокойный и уравновешенный, склонный к аккуратности и методичности Блок и страстный, самолюбивый, эпатажный, бесстрашный Гумилев. Последний мечтал завоевать мир своими стихами, для чего разрабатывал план: «Эти стихи должны быть лучше всех существующих, должны поражать, ослеплять, сводить с ума».

Поэты у Г. Иванова отличаются и в описании образа, созданного ими в стихах и в жизни: Гумилев предстает, как бесстрашный исследователь Африки, гордый Георгиевский кавалер, отважный заговорщик, саботажник, белый офицер. Блок же напротив преданный рыцарь, слуга, заблудившийся в «Страшном мире» ребенок, любящий мир и тишину пацифист.

Если в мемуарах «Китайские тени» контраст еще только намечается, то в «Петербургских зимах» Г. Иванов открыто заявляет, что Блок и Гумилев были противоположны во всем: «Антитипы – в стихах, во вкусах, мировоззрении, политических взглядах, наружности –

решительно во всем. Туманное сияние поэзии Блока – и точность, ясность, выверенное совершенство Гумилева. Левый эсер Блок, прославивший в «Двенадцати» Октябрь, и «белогвардец», «монархист» Гумилев. Блок, относившийся с отвращением к войне, и Гумилев, пошедший воевать добровольцем... Блок, презирающий литературную технику, мастерство, выучку, ...и Гумилев, назвавший кружок своих учеников цехом поэтов».

Г. Иванов использует прием контраста не только при сопоставлении поэтов друг с другом, но и в описании образа каждого поэта в отдельности, отмечая двойственность, присущую их натуре. Вся жизнь Блока и Гумилева – это романтический конфликт между реальным и идеальным: «Гумилев был слабый, неловкий, некрасивый (курсив наш. – В. К.) ребенок», но мечтал быть сильным и красивым. На антитезе строится и отношение Гумилева к войне: он романтизировал войну «Рядил в жемчуга» победу». Вместо блестящих кавалерийских атак и надежд заработать «полный бант» приходилось сидеть «без конца во вшивых окопах» (курсив наш. – В. К.).

Г. Иванов отмечает внутреннюю двойственность Гумилева, который сочетает в себе две натуры: истинный, любящий «тихую жизнь, писанье стихов, шахматы, долгие одинокие прогулки где-нибудь в деревне», и придуманный, мнимый, эпатажный, храбрый. Автор «Китайских теней» обращает внимание на то, что маска Гумилева «стала его живым лицом». Не случайно Г. Иванов создает такой портрет Гумилева: «двигающийся манекен», «точно вырезанный из картона нос», «холодные косые глаза без бровей».

Подчеркивая позерство Гумилева, Г. Иванов использовал прием замены живого неживым: «Мой фрак, мой дом, моя жена», – Гумилев произносил все это с одинаковым торжественным безразличием. Казалось, что, если одну жену заменить другой – Гумилев этого не заметит, но, если у него вовсе отнять – безразлично, жену или фрак, – нарушится вся гармония его жизни».

Двойственность присутствует и в описании Блока: с одной стороны – душевная тонкость, благородство, рыцарство: «Блок был человек исключительной душевной чистоты. Он и низость – исключающие друг друга понятия». С другой – любовь к самым грязным, проплеванным и прокуренным «злачным местам»: «Слон» на Разъезжей, «Яр» на Большом проспекте...».

Г. Иванов изображает Блока по-разному в ранний период жизни и на ее закате. Блок прошлого – редкой душевной чистоты, мечтательный, чувствительный, справедливый: «Одаренный волшебным даром, добрый, великолушный, предельно честный с жизнью, с людьми и с самим собой, Блок родился с «ободранной кожей», с болезненной чувствительностью к несправедливости, страданию, злу». И этот почти идеальный человек уступил место Блоку настоящему: безразличному, холодному «отсутствующему», «с видом измученно-безразличным» он говорит «о скуче, безнадежности, бессмысленности».

Автор мемуарных очерков пытается осмыслить причину происходящего и приходит к мысли, что она заключена в «ущербе» Блока, который «уже начался – странный, болезненный ущерб, озаренный в 1918 г.

зловещим блеском «Двенадцати», в 1921 – Смертью...». Под этим ущербом Г. Иванов подразумевает разочарование в себе, в своих идеалах, в жизни вообще. «Должно быть, этот ущерб и начался с равнодушия, с презрения к жизни и к людям, которое все явственней слышится в разговорах Блока последнего, «закатного» периода». Г. Иванов, описывая эпизод на вечере блоковских стихов, видит в поэте отчуждение, скуку, которые приводят к потере контакта с аудиторией, безразличию к жизни и творчеству.

Однако, несмотря на, казалось бы, полную противоположность во всем у Блока и Гумилева, их объединяло благородство, рыцарство, романтичность натуры и истинная душа поэта. Гумилев соблюдал правила джентльменства, вежливости, дворянских традиций. Он всегда защищал слабого против сильного, был почтительно любезен со стариками, оберегал честь женщин. Оба поэта по сути вели вечный поиск «Прекрасной Дамы». По слова Г. Иванова, Гумилев постоянно влюблялся – направо и налево. Он называл это поисками «Прекрасной Дамы».

В итоге Г. Иванов приходит к мысли о схожей судьбе поэтов («общей – такой разной и одинаково трагической – смерти...»). Несмотря на противоположные характеры, поэты «братски сходились», их объединяло одно – любовь к поэзии: «как поэты и как русские люди они не только не исключали, а скорее дополняли друг друга». «Оба жили и дышали поэзией – вне поэзии для обоих не было жизни. Оба беззаветно, мучительно любили Россию. Оба ненавидели фальшь, ложь, притворство, недобросовестность – в творчестве и в жизни были предельно честны... Наконец, оба были готовы... идти на все, вплоть до гибели, и на страшном личном примере эту готовность доказали».

По мысли Г. Иванова оба поэта в конце жизни пришли к сходному состоянию – одиночеству, разочарованию и непониманию. «Самое тяжелое в жизни – одиночество. А я так одинок...» (Н. Гумилев). Г. Иванов писал: «Гумилев был действительно очень одинок – всю свою короткую жизнь он был окружен холодным и враждебным непониманием». Сходную ситуацию мы видим и у Блока: «так и остался не понят публикой, не прочувствован ей». Г. Иванов видел Блока потерявшимся «в нереальной реальности, в которой он жил и писал стихи», «заблудившимся в «Страшном мире» ребенком, боявшимся жизни и не понимавшим ее...». Блок был обречен на одиночество, так как созданный им мир был недосягаем для других: «В эту блоковскую орбиту попадали немногие – но те, что попадали, все оказались попавшими в нее случайно. Настоящих друзей, сколько-нибудь ему равных, у Блока не было».

Духовная опустошенность обоих поэтов проявляется у Г. Иванова в сходных эпитетах. Блок на закате жизни предстает как «живой мертвец», что отражается и во внешности, и в мировосприятии: «Под глазами резкие «мешки», еще резче глубокие морщины у рта. Широкие плечи сутулятся... и безразличный, холодный «отсутствующий» взгляд». Он высказывает «холодное одобрение» на восхищение его поклонников, безразличие к тому, что происходит вокруг: «Мертвецы палят по мертвым. Так что, кто победит –

безразлично», отсутствию страха перед смертью «мне не страшно. Ничуть. И это в порядке вещей. Страшно будет потом... живым».

Г. Иванов в своих мемуарах приходит к осознанию того, что новый век «железный», символом которого стала революция, привел к крушению старого мира, к кризису культуры. Новый мир, мир «живых мертвцев», которые взращены на жестокости, убийстве и разрушениях, приведет к неизбежной расплате. Не случайно в повествовании Г. Иванов использует прием алогизма, который усиливают эффект абсурда: «Программа не выполнена, так как произошло три несчастья – арестован Гумилев, умер Блок – и... перегорело электричество».

Г. Иванов считает, что смерть поэтов была закономерной, связанной с невозможностью найти себе места в этом новом «мертвом», искусственном, хаотическом мире, с утратой веры в светлое будущее. Г. Иванов утверждает, что Блок умер не от болезни, «поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем».

Таким образом, Г. Иванов приходит к мысли, что русский поэт непременно обладает рядом качеств: любовью к Родине, мечтательностью, благородством, рыцарством, романтичностью натуры, внутренним дуализмом, ненавистью к фальши, лжи и готовностью к самопожертвованию ради творчества.

Г. Иванов, создавая литературный портрет поэтов, сочетает в их образах реальные черты с художественным восприятием их личности, тем самым делая их биографию частью мифа о русском поэте – пророке, для которого жизнь, Россия и творчество – единое целое. Быть поэтом в России – это тяжелый крест, который нужно нести всю жизнь, быть поэтом – значит обречь себя на «несчастную, беспокойную и томительную» жизнь, вместо «счастливой и спокойной». И Блок, и Гумилев были готовы «во имя этой «метафизической чести» – высшей ответственности поэта перед Богом и перед собой – идти на все, вплоть до гибели, и на страшном личном примере эту готовность доказали». Тем самым миф о Гумилеве – Блоке у Иванова становится частью мифа о русском поэте – пророке.

Заключение

Анализ мемуарных очерков Г. Иванова в мифологическом ключе позволяет говорить, что автор не просто создает портреты великих поэтов, но и продолжает использовать один из ведущих принципов символизма, который акмеисты продолжили вслед за символистами – мифологизацию культурных имен. В качестве ведущего принципа изображения Блока и Гумилева Г. Иванов использует прием контраста, который позволяет более ярко отразить личность поэтов, а также характеризует данный текст не просто как воспоминания, а как яркий мифологизированный текст, в котором отражается процесс развития мифологемы русский поэт в отечественной литературе первой половины XX в.

Дальнейшее исследование мемуаров Г. Иванова – актуальный вопрос, так как в главах, посвященных другим известным личностям, им используется ряд других приемов, характерных для художественных текстов, что позволяет глубже понять специфику мемуарной прозы русского писателя. Кроме того, это позволит расширить семантику мифологемы «русский поэт».

Список литературы

1. Аксенова А. Метафизика анекдота, или Семантика лжи // Литературное обозрение. 1994. №11. С. 52–60.
2. Ар'ев А. О красоте утрат. Лирика Георгия Иванова // Звезда. 1994. №11. С. 126–133.
3. Гальцова Е. Д. На грани сюрреализма. Франко-русские литературные встречи. Жорж Батай, Ирина Одоевцева и Георгий Иванов // Сюрреализм и авангард. Москва : ГИТИС, 1999. С. 105–126.
4. Грязалова Н. Ю. «Талант двойного зренья». Об одной визуальной метафоре у Георгия Иванова // Русская литература. 2009. №4. С. 39–47.
5. Данилович Т. В. Культурный компонент поэтического творчества Георгия Иванова: функции, семантика, способы воплощения. Минск : Институт современных знаний, 2000. 159 с.
6. Елагина О. Е. Проза Георгия Иванова : особенности поэтики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2012. 22 с.
7. Жукова А. А. А. А. Блок и Н. С. Гумилев: религиозно-философские основы творчества: женский идеал и его интерпретации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2018. 29 с.
8. Заманская В. Антитеза жизни – смерти в творчестве Г. Иванова: параметры, образное воплощение, «масштабы» экзистенциального мышления поэта // Русская литература первой трети XX века: проблемы экзистенциального сознания. Екатеринбург : Издательство Уральского университета ; Магнитогорск, 1996. С. 346–380.
9. Кознова Н. Н. «Петербургские зимы» Г. Иванова: к проблеме жанра // Печать и слово Санкт-Петербурга. 2015. Часть 2. С. 64–69.
10. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Александра Блока. Ленинград : Советский писатель, 1981. 552 с.
11. Несынова Ю. В. Эволюция поэтической системы Г. В. Иванова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2007. 23 с.
12. Николай Гумилев в воспоминаниях современников / составитель, автор предисловия и комментариев В. П. Крейд. Москва : Вся Москва, 1990. 316 с.
13. Павлович Н. А. Из воспоминаний об А. Блоке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gumilev.ru/biography/151> (дата обращения : 20.02.2023).
14. Приходько И. С. А. Блок и русский символизм: мифопоэтический аспект. Владимир : Владимирский государственный педагогический университет, 1999. 79 с.
15. Приходько И. С. Мифопоэтика А. Блока : монография. Владимир : Владимирский государственный педагогический университет, 1994. 132 с.
16. Роговский А. А. Модификация жанра мемуара в сборнике Г. Иванова «Петербургские зимы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т. 22, №3. – С. 443–448. – DOI [10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448](https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448)
17. Рубинс М. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 328 с.
18. Рылова А. Е. Георгий Иванов и русский символизм : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Шуя, 2006. 21 с.
19. Семенова С. Г. Изнанка и лицо обезображенного мира (экзистенциальное сознание в прозе Георгия Иванова и Владимира Набокова) // Метафизика русской литературы : в 2 томах. Москва : Порог, 2004. Том 2. С. 164–204.
20. Струве П. Б. Блок – Гумилев. 1921. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gumilev.ru/biography/169/> (дата обращения : 20.02.2023).
21. Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // Вопросы литературы. 1987. №2. С. 260–274.
22. Федоров В. С. Блок и Гумилев: из истории отношений двух поэтов // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2018. №1. С. 13–17.
23. Федякин С. Р. Мильтворчество Г. Иванова // Литературоведческий журнал. – 2021. – №2(52). – С. 86–122. – DOI [10.31249/litzhur/2021.52.06](https://doi.org/10.31249/litzhur/2021.52.06)
24. Филатов А. В. Мильтопоэтические стратегии акмеистов: аксиологический аспект (Н. С. Гумилев, С. М. Городецкий, О. Э. Мандельштам) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2020. 27 с.
25. Ходасевич В. Ф. Некрополь. Белый коридор. Москва : Директ-Медиа, 2017. 411 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/vospominaniya/nekopol/nekopol.htm> (дата обращения : 20.02.2023).

References

1. Aksenova, A. (1994). Metafizika anekdota, ili Semantika lzhi. *Literaturnoe obozrenie*, 11, 52–60.
2. Ar'ev, A. (1994). O krasote utrat. Lirika Georgiya Ivanova, *Zvezda*, 11, 126–133.
3. Gal'cova, E. D. (1999). Na grani syurrealizma. Franko-russkie literaturnye vstrechi. ZHorzh Bataj, Irina Odoevceva i Georgij Ivanov. *Syurrealizm i avangard*, 105–126.
4. Gryakalova, N. YU. (2009). «Talant dvojnogo zren'ya». Ob odnoj vizual'noj metafore u Georgiya Ivanova. *Russkaya literature*, 4, 39–47.
5. Danilovich, T. V. (2000). *Kul'turnyy komponent poeticheskogo tvorchestva Georgiya Ivanova: funkci, semantika, sposoby voploscheniya*. Institut sovremennoj znanij.
6. Elagina, O. E. (2012). *Proza Georgiya Ivanova : osobennosti poetiki : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk*.
7. Zhukova, A. A. (2018). *A. A. Blok i N. S. Gumilev: religiozno-filosofskie osnovy tvorchestva: zhenskij ideal i ego interpretacii : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk*.

8. Zamanskaya, V. (1996). Antiteza zhizni – smerti v tvorchestve G. Ivanova: parametry, obraznoe voploschchenie, «masshtaby» ekzistencial'nogo myshleniya poeta. *Russkaya literatura pervoj treti XX veka: problemy ekzistencial'nogo soznaniya*, 346–380.
9. Koznova, N. N. (2015). «The Petersburg Winters» by G. Ivanov: to the problem of the genre. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga*, 64–69.
10. Maksimov, D. E. (1981). *Poeziya i proza Aleksandra Bloka*. Sovetskij pisatel'.
11. Nesynova, YU. V. (2007). *Evolyuciya poeticheskoy sistemy G. V. Ivanova*: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk.
12. Krejd, V. P. (Ed.). (1990). *Nikolaj Gumilev v vospominaniyah sovremennikov*. Vsya Moskva.
13. Pavlovich, N. A. *Iz vospominanij ob A. Bloke*. (n.d.). Retrieved February 20, 2023, from <https://gumilev.ru/biography/151>.
14. Prihod'ko, I. S. (1999). *A. Blok i russkij simvolizm: mifopoeticheskij aspekt*. Vladimirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
15. Prihod'ko, I. S. (1994). *Mifopoetika A. Bloka : monografiya*. Vladimirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
16. Rogovskij, A. A. (2017). Genre modification in G. Ivanov's memoir «Petersburg winters». *RUDN Journal Of Studies In Literature And Journalism*, 22(3), 443-448. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448>
17. Rubins, M. (2017). *Russkij Monparnas. Parizhskaya proza 1920–1930-h godov v kontekste transnacional'nogo modernizma*. Novoe literaturnoe obozrenie.
18. Rylova, A. E. (2006). *Georgij Ivanov i russkij simvolizm : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. SHuya.
19. Semenova, S. G. (2004). Iznanka i lico obezbozhennogo mira (ekzistencial'noe soznanie v proze Georgija Ivanova i Vladimira Nabokova). *Metafizika russkoj literatury : v 2 tomah*, 164–204.
20. Struve, P. B. *Blok – Gumilev* (1921). Retrieved February 20, 2023, from <https://gumilev.ru/biography/169>.
21. Timenchik, R. D. (1987). Innokentij Annenskij i Nikolaj Gumilev. *Voprosy literatury*, 2, 260–274.
22. Fedorov, V. S. (2018). Blok and Gumilev: from history of the relations of two poets. *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 1, 13–17.
23. Fedyakin, S. R. (2021). Georgy Ivanov's formation of myth. *Literaturovedcheskij zhurnal*, 52, 86–122. <https://doi.org/10.31249/litzhur/2021.52.06>
24. Filatov, A. V. (2020). *Mifopoeticheskie strategii akmeistov: aksiologicheskij aspekt* (N. S. Gumilev, S. M. Gorodeckij, O. E. Mandel'shtam) : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk.
25. Hodasevich, V. F. *Nekropol'. Belyj koridor*. (2017). Retrieved February 20, 2023, from <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/vospominaniya/nekopol/nekopol.htm>

Информация об авторе

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>; e-mail: queenvera@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2023
Принята к публикации 29.03.2023
Опубликована 29.03.2023

Information about the author

Vera V. Koroleva, doctor of philology, head of the department, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stolletov, Vladimir, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>; e-mail: queenvera@yandex.ru

Received 06 March 2023
Accepted 29 March 2023
Published 29 March 2023